

VIII Апрельская междисциплинарная международная конференция «**Вся ненависть мира: насилие в литературе и искусстве**»

(ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ТвГУ, ПсковГУ)

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_418

26—27 апреля 2021 года в рамках проекта «Неканоническая эстетика» состоялась VIII Апрельская междисциплинарная международная конференция «Вся ненависть мира: насилие в литературе и искусстве», продолжившая цикл ежегодных конференций, начатый в 2014 году форумом «Все страхи мира: homo в литературе и искусстве». Традиционно конференции проводит Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН совместно с Тверским государственным университетом и Псковским государственным университетом. В предшествующие годы конференции были посвящены таким значимым категориям в литературе и искусстве, как страх, восторг, истина, секрет, нелепица, обман и запрет. Условность выделенных классификаций позволила участникам конференции и в этом году расшатать монолитность значений и предложить собственные трактовки и концепции, но уже в отношении категории ненависти. Филологи, философы, культурологи, киноведы, театроведы, исследователи визуальных искусств обсуждали вопросы эстетического освоения насилия, агрессии, ярости, вражды на современном этапе развития теоретической и историко-культурной мысли. В онлайн-конференции приняли участие специалисты из разных регионов России, а также из Польши, Японии и США.

Как и в 2020 году, оргкомитет принял решение провести конференцию в новом, экспериментальном формате блога¹. Каждый участник должен был представить письменный текст доклада-выступления для временного размещения на сайте блога. Все исследования были разделены по четырем тематическим заседаниям двух конференционных дней: констатация агрессии, ее преодоление и репрезентация (двойной блок). Это позволило участникам и «слушателям», среди которых были и молодые исследователи, в течение месяца читать и комментировать доклады. Как итог — отсутствие регламента дало время на размышления, на более вдумчивое чтение, а также на развернутые вопросы и ответы. Стоит отметить, что блог поспособствовал оживленным и продуктивным дискуссиям вокруг каждого доклада, что редкость для конференций, проводимых в «живом» формате. В этом году было решено отказаться от пленарных заседаний, однако открытие конференции торжественно состоялось на платформе Zoom, где участники смогли обсудить дальнейшие перспективы работы блога.

На конференции много говорилось не только о содержании, но и о формах насилия — визуальных и лингвистических воплощениях жестокости. В докладах были обозначены основные направления работы — объяснение, интерпретация и сюжетная репрезентация агрессии (как одного из воплощений насилия). Заметно, что в первом тематическом блоке докладов рассматривались материалы, так сказать констатирующие реальность насилия, во втором преимущественное внимание уделялось «опровержению» или отрицанию насилия, а третий (самый объемный) был посвящен представлению о насилии как о Другом (создающемся сторонними наблюдателями). Это условное деление позволяет говорить о своеобразной гегелевской триаде; но тезис, антитезис и синтез в неканонической эстетике выглядели весьма неоднозначно.

1 Блог конференции доступен на сайте: <https://zlobaconf.blogspot.com>.

Конференцию открыл председатель оргкомитета *Сергей Денисенко* (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург). Первое заседание «Констатация агрессии» началось с доклада *Ольги Кузнецовой* (МГУ). Ее выступление «*Ненависть в форме медузы (XVII–XVIII вв.)*» было посвящено эволюции эмблематического образа *Invidia* (Медуза, Ненависть, Зависть, Фурия) в русской культуре второй половины XVII — первой половины XVIII века. Исследовательница провела аналогии с более ранними визуальными образами (девица Горгона, мучимая змеями грешница, злая жена), а также выявила влияние западноевропейской эмблематики на литературные тексты русских авторов раннего Нового времени. Докладчица отметила действие механизма культурной памяти, позволяющее проявляться одним и тем же качествам в персонажах и аллегориях разного происхождения. Образ Медузы, вызывающий в памяти муки лохматых озлобленных грешников и демонические визуальные характеристики, остается узнаваемой формой выражения негативной экспрессии для зрителей и читателей XVIII века.

Ирина Лобакова (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) в докладе «*Страх — жестокость — насилие — страх: об объяснении поступков Ивана Грозного в литературе XVI–XVII вв.*» представила историко-литературную репрезентацию агрессии и жестокости личности Ивана Грозного на материале «Хронографа» 1612 года и других исторических повестей. Докладчица отметила, что составитель «Хронографа» делил правление Ивана Грозного на доброе (то, что было при царице Анастасии) и на злое (то, что возникло после ее кончины), а князь А.М. Курбский — на разумное (при Избранной раде) и презлое (после ее падения), то есть связанное с внешними факторами. Однако докладчица также подчеркнула, что создатели исторических повестей о конфликте царя и митрополита Филиппа, следуя «Житию» митрополита Филиппа, иначе объясняли причины «кровопийственной» жестокости государя: он «стал своих ближних бояться». В XVII веке такая мотивировка имела ряд нюансов, однако понимание связи страха и жестокости почти на триста с лишним лет опередило выводы психологов о страхах (фобиях) как основах ненависти человека.

Генетически сходному с трагедиями Вольтера «Эрифилы», «Меропа», «Семирамида» сюжету трагедии А.П. Сумарокова «Гамлет» (1748) о мести наследника узурпатору его престола был посвящен доклад *Антон Дёмина* (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) «*Финал сумароковского “Гамлета” и “Меропа” Вольтера*». Исследователь утверждает, что сюжет сумароковского «Гамлета» в части брачного соперничества Гамлета и Клавдия за руку Офелии и счастливой, хотя и кровавой, развязки не является оригинальным изобретением автора, но находится в зависимости от названных трагедий Вольтера, которые в разной степени были знакомы Сумарокову, а одна из них — «Меропа» — была им высоко ценима. Докладчик выразил уверенность, что рассмотрение сумароковского подхода к сюжету «Гамлета» на широком материале в дальнейшем поможет выявлению связи русского поэта и драматурга с великим французским современником.

В докладе *Александра Сорочана* (Тверской государственный университет) «*Викторианская порнография, эдвардианская эротика, георгианский фетишизм: насилие и жестокость в исторической поэтике жанра*» речь шла об анонимных порнографических текстах и их эволюции в англоязычной литературе середины XIX — начала XX века, о ретроспективном формировании представления о «викторианской флагеллантской порнографии», а также о трансформациях исходных текстов. Основная идея докладчика — эволюция «литературы для взрослых», в которой речь идет о сексуальном насилии и БДСМ, совершается от «порнографии» к «фетишизму». Место возбуждающего действия сначала занимает описание эмоций, а затем «возбуждающая вещь». Фетишизация насилия ведет к сознательному

отказу авторов от порнографического контента. В данном случае можно говорить об отчуждении эмоций и разрушении чувственности — такие книги, как «Признание леди Кут» или «Мисс Высокие Каблуки», позволяют поставить целый ряд серьезных вопросов, связанных с эволюционирующим определением порнографии и исследованиями травмы и рабства.

Доклад, посвященный провокационной теме, вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой были обозначены основные проблемы изучения порнографической литературы в контексте исторической поэтики. Антон Дёмин предложил расширить контексты анализа жанровой литературы, несомненно связанной с системой этических, психологических, сексологических и юридических категорий. Анастасия Липинская продолжила эту мысль, отметив, что порнография и литература ужасов чем-то похожи: они являются отражением страхов и желаний, типичных для конкретных периодов «акцентуации», связанных с характерными для данного времени угрозами и ограничениями.

Литературную интерпретацию агрессии в своем выступлении «*Агрессивный персонаж в сюжетном поле “спокойного” текста (Тарантьев в “Обломове” И.А. Гончарова)*» продолжил Сергей Денисенко (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург). Исследователь предложил рассмотреть фигуру Тарантьева, второстепенного персонажа, активно изменяющего сюжетный ход романа И.А. Гончарова «Обломов» и, соответственно, жизнь Обломова. Автор предполагает, что образ Тарантьева может восходить к гоголевскому Ноздреву. Именно с появлением такого агрессивного, по мнению докладчика, персонажа жизнь главного героя начинает кардинально меняться, ведь с ним связаны кульминационные точки «спокойного» сюжета. Денисенко подчеркнул, что в русской литературе этот роман Гончарова стоит особняком: в сюжете его нет активных персонажей, кроме Тарантьева, на которого автором возложена сюжетобразующая роль. Исследователь утверждает, что теоретическое отведение подобной роли Гончаровым Штольцу превратило бы роман в любовный и совсем уничтожило бы «вечный тип» Обломова, что, в свою очередь, стало бы «преодолением обломовщины». Доклад сопровождался продолжительной дискуссией о дальнейшей роли агрессивного персонажа в романе. Оказалось, что о схожести образа Тарантьева и гоголевского Ноздрева литературоведы не писали. Илона Мотеюняйте отметила, что антагонизм персонажей не позволяет судить об авторской оценке, а активность «злого» Тарантьева проясняет неочевидный конфликт, учитывая его необходимость для развития любого действия и сюжета, поэтому можно с большим основанием говорить о симпатиях Гончарова.

Первое заседание завершилось экскурсом в кинематографию — в докладе *Марины Загидуллиной* (Челябинский государственный университет) «*Мизантропия как метафора: “Меланхолия” Ларса фон Триера и “Душа” Пита Доктера*». Поскольку мизантропия как вариант «обезличенной ненависти к человечеству» становится частью концепций этих фильмов, то сравнительный анализ сюжетов позволяет выявить ряд сходных поворотов, дающих возможность усмотреть закономерности концептуализации мизантропии как феномена. Исследовательница пришла к выводу, что каждый из авторов показывает самодостаточность индивидуалистической парадигмы, единственная уязвимость которой скрыта внутри нее самой: пока личность не считает вопросы собственной асоциальности значимыми, они таковыми не являются. В фильме Триера показан путь избавления героини от значимости таких вопросов, в фильме Доктера прослежены последствия «нагрузки» мизантропической личности такой значимостью.

Второе заседание первого дня конференции «Преодоление агрессии» было посвящено памяти профессора Вячеслава Кошелева, постоянного участника проекта

«Неканоническая эстетика» (см. мемориальный блок: Новое литературное обозрение. 2021. № 168. С.267—322). Юрий Никишов (Тверской государственный университет) в докладе «...Мрачили мятежи и казни» на материале пушкинских поэм «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник» и «Пиковая дама» показал свое видение конфликта автора в оппозиции «правитель/подданный». Эту тему, но уже обратившись к тексту иного жанра, продолжил Сергей Фомичев (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Сказка Пушкина о добром мужике и злой старухе». Исследователь утверждает, что кумулятивный сюжет пушкинской сказки проявлялся в цепи отрицаний временно достигнутых феноменов, когда усиление несправедливой власти закономерно стало чревато агрессией.

Агрессивную сторону революции в своем онлайн-выступлении «*“Из такой ненависти ничего доброго никогда не выйдет”*: Французская революция в романе В. Соловьева “Сергей Горбатов”» показала Светлана Васильева (Тверской государственный университет). Основная идея доклада: общее чувство, которым охвачена бунтующая Франция в романе, — ненависть. Революция сравнивается со страшным зверем, выпущенным из клетки, чья «бессмысленность», жестокость и отсутствие созидательных результатов отсылают нас к пушкинской характеристике русского бунта как «бессмысленного и беспощадного». Соловьев предупреждает об опасности фанатической одержимости любой идеей: преданность даже прекрасным, благородным идеям Просвещения, ненависть к существующей несправедливости влекут за собой беспощадную борьбу, превращая народ в толпу, одержимую бессмысленной жестокостью и злобой.

Сохранение исторической памяти, но в провокационном контексте развенчания культа вождя мирового пролетариата рассмотрела Владислава Гайдук (ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва) в докладе «*Ненависть к советскому прошлому, или Как художники Ленина съели*». Исследовательница отметила, что ряд выставок и художественных акций 1990-х были направлены на переосмысление советского прошлого. Художественная акция символического поедания Ленина в виде торта мыслилась художниками как очистительный ритуал. Обсуждение доклада было сосредоточено на вопросах о видах современного искусства, их связи с ритуальностью, также затрагивалась тема ненависти к советскому. Александр Сорочан заметил, что эта ненависть не распространяется на Ленина, а само поедание торта связано с архаичным обрядом поедания тела предка, который с ненавистью и забвением никак не может быть связан. Владислава Гайдук подчеркнула, что в этом мероприятии ненависть увидели в основном зрители. Докладчица пояснила, что в приглашениях было подробно указано содержание акции, некоторые категорически отказались от участия, поэтому это был осознанный выбор каждого. Художники сами не до конца понимали, в чем выражался символизм акции — ведь, с одной стороны, возникло то самое забвение, о котором они заявили в начале, а с другой — *обряд поедания тела жертвы*, который рассматривался как нечто сакральное и вечное, что и ускользнуло от организаторов. Докладчица высказала уверенность, что первостепенным здесь был эпатаж, а не смыслы, отсюда и отсутствие конкретики. Илона Мотеюнайте согласилась и добавила, что мероприятие можно соотнести с поисками/освоением новых форм актуальности в искусстве, а обращение к архаике казалось настолько эстетически продуктивным, что ее смыслы оставались «за скобками». Зарубежные СМИ писали в основном о политическом контексте акции как о попытке отказа от советского прошлого, а глумление над христианскими ценностями увидела уже отечественная пресса.

Мотивы необоснованной жестокости и насилия в поэзии Олега Григорьева (1943—1992) детально проанализировала Эльжбета Тышковска-Каспшак (Вроцлавский университет, Польша) в докладе «*Жестокость как метафора абсурда*

бытия в поэзии Олега Григорьева». Некоторые произведения поэта основываются на сценах или микросюжетах, содержащих акты насилия и действия, зачастую ведущие к смерти героя. Несомненно, главным принципом поэтики этих стихотворений является преодоление трагизма смехом — черный юмор, отвергающий основы человеческого существования — мораль и нравственность. Исследовательница подчеркнула, что смех, вызванный представленной жестокостью и смертью как ее эффектом, приносит катарсис — очищение от страха перед жестокостью мира и конечностью бытия.

Высказала идею о новых способах репрезентации насилия и агрессии, выходящих за границы описательности, *Полина Семенова* (СПбГУ) в докладе «*Дискурс насилия и агрессии в романном творчестве А. Роб-Грийе: Молчание и умалчивание как способы опосредования насилия*». Исследовательница утверждает, что единственный эпизод в романе А. Роб-Грийе «Соглядатай», напрямую связанный с применением насилия, — «несуществующее убийство», совершенное на предполагаемой и в буквальном смысле пустой странице истории. Все это создает эффект дистанцирования и позволяет читателю самостоятельно определить проблематику повествуемой истории и релевантную нравственную модель восприятия событий, а также реконструировать насильственный дискурс в соответствии с позволенными для него деталями и элементами.

Завершающий доклад первого дня «*Освобождение как акт насилия в стендапе Саймона Амстелла “Set Free”*» *Анастасии Сердюк* (Томский государственный университет) продолжил тему преодоления агрессии с помощью смеха. Докладчица показала, что на сегодняшний день большинство исследователей сходятся во мнении, что сущность стендапа диалогична и шутки имеют значение только в единстве с идеями, которые комик стремится передать аудитории. В монологе «Set Free» («Освобождение») (2019) Саймон Амстелл совершает своего рода акт насилия за счет своей откровенности, намеренно вводя аудиторию в состояние, близкое его собственному — состояние стремления к высшей и, вероятно, недостижимой гармонии, освобождению, необходимому не только каждому человеку, но и всему человечеству.

На третьем и четвертом заседаниях конференции, прошедших во второй день, исследователи рассуждали о способах репрезентации агрессии в литературе и искусстве. *Анастасия Липинская* (СПбГЛТУ им. С.М. Кирова) попыталась ответить на вопрос, в чем заключается особенность визуализации насилия в готической новеллистике, не принадлежащей к «литературе ужасов». В онлайн-выступлении «*“Ни один потом не проговорился, что они увидели”: о визуализации насилия в готической новеллистике*» докладчица заключила, что чем ближе текст к жанровому канону готической новеллы, тем более явно в нем работают основные принципы визуализации насилия — показ через намеки и дистанцирование от читателя. Герои готической новеллистики страдают и гибнут, как правило, в столкновении с противниками, принадлежащими к миру сверхъестественного, и для автора важно всегда оставлять лазейку для рационального истолкования происходящего.

Следующее выступление — *Алексея Зыгмонта* (РАНХиГС, Москва) «*“Уже родилась на свет грозная красота”: репрезентации национального мученичества в поэтических жанрах*» — было посвящено взаимоотношению между феноменом национального мученичества (рассмотренного на примерах Французской революции XVIII века, США и Ирландии) и поэтическим творчеством в форме стихов, песен, гимнов и т.д. Поскольку поэтический текст отчасти освобожден от строгого порядка дискурса и причинно-следственных связей, а также воздействует на эстетическое чувство и вдохновляет, он особенно хорошо подходит для работы со смыслами насилия — и это принципиально важно как для мученичества, так и для

национализма. Докладчик рассуждал о том, что стихи, гимны и песни — это идеальные «медиа» для конструирования и воспроизводства значений мученичества, а также своего рода алхимические «реторты» для работы с пассивным (жертвенным) и активным (воинственным) насилием. В обсуждении доклада прозвучали вопросы о специфике ориентальной традиции мученических жанров, о соотношении мученичества и мобилизации, а также о судьбе подобного жанра в России.

Тему исторической репрезентации насилия продолжила Анна Мельгунова (СПбГУ). В рамках доклада *«Язык вражды в аспекте лексических особенностей и его отражение в историческом романе (на материале романов Л. Фейхтвангера “Еврей Зюсс” и “Семья Опперман”)*» исследовательница рассмотрела особенности передачи языка вражды в художественном произведении на примере двух исторических романов Л. Фейхтвангера — «Еврей Зюсс» (1925) и «Семья Опперман» (1933). Среди лексических особенностей языка вражды в данных произведениях Мельгунова выделила лексические единицы со значением «враг», бранные слова (инвективы), лексику с негативной оценочностью, метафоры с семантикой грязи и нечистот. Типична также лексика со значением национальности (прилагательные и существительные) в сочетании с негативно окрашенными словами. Доклад Анны Мельгуновой вызвал оживленную дискуссию о языковом выражении вражды, ее связи с семантикой смерти, о возможной равноправности лексем «смерть»/«враг» и роли этой бинарности в романах, об изменении семантической структуры «еврей» в текстовом поле художественного произведения и о специфичности средств создания образа врага.

Новый литературоведческий подход в исследовании человеческой природы насилия в малой прозе В.М. Шукшина открыла Ольга Минкина (Псковский государственный университет). В докладе *«Насилие в малой прозе В.М. Шукшина»* Минкина выявила две группы насилия человека над человеком, отраженные писателем: физическое и психологическое. Физическое насилие совершается у Шукшина по разным причинам и с разными последствиями. Исследовательница рассуждала о том, что сам Шукшин хоть и признавал присутствие в природе человека склонности к насилию, но психологическое насилие считал большим злом, способным убить душу. Именно для этого он постоянно изображает конфликтные ситуации в человеческом общении.

В заключение третьего заседания был представлен доклад *«Христианская жестокость и сопротивление злу насилием в современном русском детективе»*, в котором изображение насилия в современной массовой литературе интерпретировалось посредством сравнений с произведениями классиков. Ольга Перова (Псковский государственный университет) на основе анализа романов В. Горшкова «В рясе смертника» и М. Серовой «Посланница небес» сделала вывод о соотношении жанровых черт детектива с социальными стереотипами о личности православного священника в современной русской литературе. В русской литературной традиции, исторически формировавшейся под влиянием восточного христианства, изображение насилия связано с отношением к нему в православии. Исследовательница пришла к выводу, что В. Горшков вслед за литературой до XVII века оправдывает насилие как вынужденную меру, допустимую для священника. Однако образы отца Василия и отца Афанасия в романе М. Серовой соответствуют представлениям о недопустимости любого насилия, отраженным в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова.

Завершающее четвертое заседание второго дня продолжило тему репрезентации насилия. Выступление Александра Мальшева (СПбГУ) *«Типология и стилистика насилия в петровских “Ведомостях” (1703—1727)»* было посвящено упоминанию различных проявлений жестокости в материалах первой российской газеты

времен Петра I. Докладчик постарался выделить несколько видов насилия: насилие во время военных действий, бытовое насилие (демонстрирует быт и нравы европейцев) и насилие по отношению к животным (дискурс развлечений европейской знати, охотничьи подвиги). Исследователь убежден, что репрезентация насилия в «Ведомостях» как количественно, так и на речевом уровне открывает возможность для диахронического (историко-стилистического) сопоставления новостных сообщений того времени с современными медиатекстами.

Татьяна Путилина (Новосибирский государственный педагогический университет) в докладе «*Революция: насилие над личностью и культурой или необходимые преобразования? Семантическая оппозиция “жизнь/смерть” (на материале дневника А. Бенуа 1918—1924 гг.)*» рассмотрела языковое воплощение темы насилия над сферой искусства. Исследовательница рассуждала о том, что борьба сил и идей в мире культуры представлена в тексте через призму семантической оппозиции «жизнь/смерть». Докладчица утверждает, что особенностью идиостиля А. Бенуа является метафора «музей-организм». В свою очередь, в авторской языковой картине мира оппозиция «жизнь/смерть» соотносится с оппозицией «организм/механизм», посредством которой противопоставлены искусство и государство. Путилина заявила, что насилие, в соответствии с концепцией произведения, присуще любому государству.

«*Экзистенциальный бунт и насилие*» в творчестве А. Камю детально показала *Ирина Сазеева* (независимый исследователь, Арзамас). Докладчица говорила о том, что писатель поднимал вопросы протеста против несправедливости и угнетения и соотношения их с проблемой насилия в эссе «Бунтующий человек», где ввел понятие бунта, совершающегося во имя солидарности с угнетенными. Этот бунт может перейти в революцию, когда он предаёт свои истоки и приходит к эскалации насилия. Однако Камю считал, что может существовать и некий «простительный бунт», когда бунтующие ограничивают насилие. Они отрицают в своем угнетателе только действия, направленные против них, а не самого угнетателя как человека.

Балетной интерпретации одной из самых страшных страниц в истории человечества было посвящено исследование *Аяко Кадзи* (Токийский университет иностранных языков, Япония). Трагедия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 года нашла творческий отклик у деятелей самых разных видов искусств. Доклад «*Интерпретация трагедии атомной бомбардировки в хореографическом искусстве на примере балета “Хиросима” Л.В. Якобсона*» был посвящен теме художественной интерпретации трагедии атомной бомбардировки на примере балета «Хиросима» на музыку Х. Гурецкого в хореографии Л.В. Якобсона (1904—1975). Исследовательница пришла к выводу, что в своем балете Якобсон стремился показать протест против насилия над мирными людьми не путем создания сюжета о противостоянии добра и зла, а отсутствием сюжетности и концентрации на образах мучений жертв трагедии. Докладчица отметила важную деталь, что, опираясь на панно «Панели Хиросимы» авторства художников Маруки Ири и Маруки Тоси, Якобсону удалось в образе жертв показать предельную жестокость насилия.

Различие форм репрезентации зла в повести братьев Стругацких «Трудно быть богом» и одноименном фильме показал *Станислав Меркушов* (Тверской государственный университет) в докладе «*Семиотика насилия у братьев Стругацких и А. Германа (повесть и фильм “Трудно быть богом”)*». Исследователь уточнил, что сакральной репрезентации зла (у Стругацких) соответствует онтологическая (у Германа). Концепция гетерогенности зла порождает возможность двоякой трактовки коренящегося во зле насилия, которое получает различное толкование в по-

вести и фильме. Автором доклада приводится подробное рассмотрение естественных и функциональных знаков, знаков цветности, знаков пространства, знаков времени, вербальных знаков, символов и т.д., опосредующих феномен насилия в текстах «Трудно быть богом» указанных авторов. Исследование знаковой природы и знаковых систем повести и фильма позволяет обнаружить новые оттенки смыслов в их контекстуальной детерминированности.

Произведения американской поэтессы Адриенны Рич и проявления ненависти в поисках признания и свободы творчества рассмотрела *Анджела Бринтлингер* (Государственный университет штата Огайо, США). Выступление «*“Инструмент в образе женщины”*: Адриенна Рич и воплощения ненависти» было посвящено особенностям поэзии ранних стихотворений Рич, которыми она описывала себя и других женщин в борьбе за признание и свободу творчества. В ее лирических произведениях злость предстает в разных вариантах: она направлена то на автора, то против феноменов мужского мира, мира насилия. Рич «добывает добро своим особым инструментом», чтобы внести в мир свой же вклад как женщина и как поэт. Она находит его в ярости, в злости, в ненависти, и в женской власти, во власти поэтического языка.

«*Насилие на российском экране в контексте переломных эпох: Феномены дореволюционной салонно-психологической драмы и перестроечного некрореализма*» изучила *Александра Петрова* (Челябинский государственный институт культуры). Докладчица убеждает нас, что демонстрация насилия на современном отечественном экране является довольно распространенной практикой — на его эстетизацию работает целая индустрия хорроров и боевиков. Тем не менее совокупный объем подобных фильмов отечественного производства представляется относительно небольшим в сравнении с общим количеством кинотеатральных релизов. Кинематографическая история России зафиксировала два периода, когда насилие на экране являлось доминантной практикой — это дореволюционный и перестроечный кинематограф. В своем исследовании Петрова акцентирует внимание на важности проведения параллелей между всплеском насилия на экране и переломными эпохами в истории страны.

Екатерина Просолова (Таврическая академия КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь) продолжила кинематографическую тематику и рассмотрела феномен использования боевиков в качестве средства пропаганды на последнем этапе холодной войны (1980—1991 гг.). В выступлении «*Эстетика насилия в американских боевиках 1980-х гг. как средство пропаганды в холодной войне*» на примере наиболее знаковых фильмов этого периода («Красный рассвет», «Вторжение в США», «Рожденный американцем», «Рэмбо II» и «Рэмбо III», «Зверь» и др.) автор выявила задачи, стоявшие в рамках создания конфронтационного кинематографа. Докладчица детально проанализировала типы репрезентации представителей страны противника в контексте изменений, происходящих на международной арене. Эти изменения определяют характерные способы визуальной и звуковой репрезентации, которые призваны закрепить у зрителя определенный ассоциативный ряд. Дискуссия, сопровождающая доклад Просоловой, была сосредоточена на обсуждении обусловленности выбора докладчицей именно этих кинокартин, о соотносении изображения России в боевиках, в военных и шпионских фильмах той же эпохи (как ни странно, именно в шпионском кинематографе образы русских агентов представлены неоднозначно). Ряд вопросов касался современного понимания категорий «свой/чужой» в контексте определения пропаганды и «мягкой силы».

Второй день международной конференции завершился выступлением *Анастасии Елкиной* (Тверской государственной университет), посвященным агрессии в восприятии и формированию образа «чужого» в путевых текстах советских жур-

налистов и современных российских телепутешествиях. В своем докладе «*Японский бум и агрессия гайдзинов: от публицистики XX в. к телевизионным путешествиям*» исследовательница на обширном материале путевых очерков В.В. Овчинникова («Ветка сакуры», 1971), В.Я. Цветова («Пятнадцатый камень сада Рёандзи», 1986), О.И. Завьяловой («Токио и токийцы: будни, выходные, праздники», 1990) и цикле передач о Японии В.В. Познера и И.А. Урганта «Обратная сторона кимоно» выявила особенности формирования и проявления агрессивного имиджа Страны восходящего солнца. Докладчица попыталась выяснить, почему в нашей современности выгодно проявление агрессии при попытке понять образ Другого и как конкретно это влияет на формирование имиджа Японии в глазах россиян.

Во время подведения итогов работы участники отметили, что визуальное и лингвистическое воплощение жестокости является определенно интересным, однако более важным кажется содержательный аспект, о котором уже говорилось ранее, — объяснение, интерпретация, сюжетная репрезентация агрессии. Последняя категория очень важна, поскольку насилие изображается как нечто внешнее, отчужденное, иное. И взгляд на жестокость как «другое» позволяет освободиться от власти насилия; оно не презентуется, а ре-презентируется, остается Другим, нуждающимся в представлении для «я». И граница «я/Другой» становится границей между гармонией («я») и насилием (Другой). Однако только доклад Анастасии Липинской был посвящен фантастическому измерению насилия, и в этом случае речь шла о достаточно консервативном и условном жанре. Жестокость изображается как нечто реальное, но нуждающееся в репрезентации, опосредованном воспроизведении, предполагающем замену объекта неким означающим (в данном случае сверхъестественным персонажем). Здесь речь шла не о суррогатах и не о фантазмах жестокости, а о попытках воплощения «вторичных феноменов», где репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который она репрезентирует.

В заключение организаторы поблагодарили всех участников проекта, открывших читателям путь в гармоничный мир, где ненависть, насилие и жестокость — это отсутствующие категории, нуждающиеся в опосредованном воспроизведении. Докладчики также выразили мнение, что новый формат удался вопреки обстоятельствам и, несмотря на свою агрессивную направленность, оказался весьма миролюбивым во всех отношениях. Он позволил охватить более обширную аудиторию. По материалам конференции традиционно планируется издание сборника научных статей.

Анастасия Елкина